

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

© **Катарина КУХЕР**

доктор истории, профессор, научный сотрудник института

Восточно-Европейской истории и страноведения

Университет Эберхарда и Карла

72074, Федеративная Республика Германия, г. Тюбинген, Гешвицер-Шоль-Платц

E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

© **Павел Петрович ЩЕРБИНИН**

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Специально и комплексно изучена система социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии XIX – начала XX века сквозь призму государственной, общественной и благотворительно частной деятельности. На основе широкого комплекса первичных материалов (архивных источников, периодической печати, воспоминаний) были репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен отечественный и мировой опыт изучения формирования систем социального государства и гражданских благотворительных инициатив в провинциальной России, которая нередко имела существенные отличия от столичных реалий. Выявлена удивительная успешность организации призрения детей-сирот на региональном и уездном уровне, что позволяет оценить модернизацию общественных инициатив в городском и сельском социуме рассматриваемого хронологического периода. Уточнены возможности земских учреждений в процессах благотворительной деятельности, а также проявления софинансирования и соучастия в этих земских проектах частных лиц (представителей купечества, дворянства, мещан и духовенства). Специально рассмотрено положение и политика по передаче подкинутых детей в частные руки на воспитание, оценены финансовые проблемы, связанные с передачей этих детей-сирот в бездетные семьи. Выявлены основные мотивы активной благотворительной деятельности крупных региональных меценатов, что отражало общие тенденции в развитии самооценки провинциального купечества и представителей других сословий Российской империи рассматриваемого периода. Сделаны выводы о результатах и историческом опыте, традициях и особенностях поддержки детей-сирот на уровне губернии и уезда, что позволило успешно реконструировать данную систему социальной защиты дореволюционной России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений благотворительной поддержки и частной инициативы в рассматриваемый период, а также оценки общественно-политических, социокультурных и этноконфессиональных позиций регионального социума. Уточнено влияние отдельных категорий благотворителей на социальную защиту детей-сирот в период воспитания и обучения в приютах, а также последующей социализации.

Ключевые слова: дети-сироты; призрение детей; социальная защита; благотворительные учреждения; социальная опека; детские приюты; региональная благотворительность; гражданские инициативы; провинциальный социум

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189

Дети-сироты являлись неотъемлемой частью социокультурного, этно-конфессионального, общественного-правового и социально-экономического пространства в Российской империи XIX – начала XX века [1]. Эти несчастные и нередко беспомощные

подданные являлись не только индикатором реального состояния социальной защиты в стране, но и демонстрировали возможности социального государства, а также частной инициативы и развития общественной благотворительности. Внимание государства и общества, сословных и профессиональных сообществ, отдельных людей к проблемам детского сиротства отражали настроения, менталитет, социально-правовые установки,

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДФГ, ФРГ (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1 (Internationale Kooperationsanbahnung)).

традиции семейных патриархальных устоев российского социума.

В статье рассмотрены особенности, тенденции и основные этапы развития социальной поддержки детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века, что позволило реконструировать систему частной, общественной и государственной благотворительности, выявить практику социального призрения детства в имперский период отечественной истории.

При изучении уровней и результативности призрения детей-сирот, реконструкции благотворительных инициатив в региональном контексте необходимо ответить на следующие вопросы.

1. Какова была нуждаемость детей-сирот в общественном попечении и насколько эффективны были сословные механизмы их социальной защиты?
2. Как регламентировались сословно-правовые механизмы организации призрения детей-сирот на региональном уровне?
3. Учитывались ли этно-конфессиональные особенности при организации призрения детей-сирот?
4. Как влияло реформирование системы социального призрения в Российской империи на практику социальной защиты детей, оставшихся без родителей?
5. Как относилось к детям-сиротам их социальное окружение, власть и общество?
6. Насколько эффективной была социальная поддержка и существовали ли для детей-сирот возможности использования «социальных лифтов»?
7. Влияли ли гендерные стратификации на перспективы социальной защиты для детей-сирот?
8. Насколько сопоставимы были государственная, общественная и частная социальные поддержки детей-сирот?
9. Какое место в социальной защите детей-сирот занимала инициатива отдельных меценатов и общественных деятелей?

Ответы на эти и другие вопросы по изучаемой проблематике возможно получить лишь при кропотливом анализе всего массива архивных и опубликованных источников и материалов. Заметим, что благотворительная деятельность в контексте социальной защиты детей-сирот имеет добротную и хорошо сохранившуюся источниковую базу [2]. Специ-

альные обзоры публиковались и в статистических сборниках [3, с. 248]. Необходимо учитывать, что в соответствии с законодательством Российской империи и сложившейся практикой все благотворительные организации обязаны были регулярно, ежегодно отчитываться о полученных и потраченных средствах, а также предоставлять подробные отчеты о своей деятельности [4, с. 22-31]. Регламентировалась и собственно филантропическая деятельность, то есть любое пожертвование или общественная инициатива должны были вначале получить поддержку губернатора, полицмейстера и министерства внутренних дел. Важно учитывать, что большинство отчетов и материалов о социальной защите или пожертвованиях должны были быть опубликованы в периодической печати и выходили отдельными выпусками.

В России был лишь один институт – православная церковь, которая в XIX веке несильно афишировала свою социальную поддержку детей-сирот, хотя реально оказывала таким детям серьезную и полезную помощь [5].

Все же наиболее полная и достоверная информация содержится в архивных фондах центральных и региональных архивов. Так, фонд 4 «Канцелярии губернатора» содержит ежегодные обязательные отчеты всех благотворительных организаций (детских приютов, очагов и пр.).

Весьма подробные отчеты и наблюдения о социальной поддержке детей-сирот содержатся в материалах периодической печати: газетах «Тамбовский губернские ведомости», «Тамбовские региональные ведомости» и других региональных изданиях.

Немногие воспоминания и дневниковые записи современников позволяют оценить реальное положение в детских приютах и других благотворительных учреждениях. Примечательно, что во всех официальных отчетах, публикациях в местной периодической печати состояние дел в приюте для малолетних преступников в г. Тамбове в начале XX века характеризовалось как образцовое. Но реальное положение детей в этом заведении весьма подробно описано в мемуарах тамбовского губернатора Н.П. Муратова. Перед своим отъездом из Тамбова на новое назначение курским губернатором Н.П. Муратов решил познакомиться с этим благоотво-

рительным учреждением. За день до его посещения в приюте-колонии побывали члены правления – председатель суда и губернский прокурор. Они написали в книге посетителей, что все нашли в образцовом порядке. Свидетельство мемуариста совершенно противоположное: «...На всем лежал отпечаток запустения, заброшенности, во дворе была грязь, валялись отбросы и чем-то скверно пахло... В большой комнате за длинными не накрытыми столами сидели грязные, обтрепанные, с немытыми руками воспитанники, что-то ели...» [6, с. 391]. При комплексе воспитанников 100 человек было 105 побегов, причем три мальчика пытались даже организовать крушение поезда.

Губернатор указал, что «земские деньги разворовываются и контроля за колонией-приютом нет, после чего Челокаев отказался от заведывания приютом».

Несомненно, добротный анализ и привлечение всего комплекса исторических свидетельств и материалов способны помочь восстановить реальную практику социальной поддержки детей-сирот в рассматриваемый период, а также сопоставить историографические оценки и подходы по заявленной теме.

Начальный период заботы о детях-сиротах в регионе был связан с призрением и социальной поддержкой детей-сирот в монастырях, которые имели серьезное влияние на весь уклад жизни и общественные настроения в XVII–XVIII веках. В эпоху Петра I были заложены основы государственной системы социального призрения детей [7, с. 26]. Однако мотивация Петра I была предельно проста: стояла задача сохранить представителей податного сословия, а значит будущих рекрутов и налогоплательщиков.

Важной вехой в развитии благотворительности и социальной защиты детей-сирот стало создание приказов общественного призрения в губерниях Российской империи после 1775 г. Во главе учреждения стоял губернатор, а к работе привлекались выборные представители сословий. Именно в этот период складываются основные типы богоугодных заведений: сиротский дом, больница, богадельня [7].

Наиболее эффективными в формировании и развитии системы социальной защиты детей-сирот были мероприятия Николая I. Создается ведомство детских приютов, и в

1831 г. было утверждено положение о сиротских домах [8]. Именно при Николае I было запрещено свободно принимать незаконнорожденных детей в воспитательные дома. Туда могли приниматься только подкинутые неизвестными, доставленные полицией и не имеющие родственников. Эти незаконнорожденные, остававшиеся на попечении государства, приписывались к военным кантонистам и находились в ведении приказов общественного призрения до восьмилетнего возраста [9]. Таким образом, фактор сбережения детей-сирот мужского пола отражал лишь военные потребности государства [10].

Великие реформы Александра II сыграли выдающуюся роль в развитии благотворительности в российской провинции, пробудив невиданные прежде возможности и ресурсы социальной защиты детей-сирот. Каковы же были мотивы этих «новых» благотворителей, кто они были эти акторы гражданской и общественной инициативы, которые смогли спасти жизни десятков тысяч детей и обеспечить им успешное воспитание и образование?

Важно оценить и понять мотивы новой волны благотворителей. Заметим, что правительство достаточно терпимо, а порой покровительственно относилось к благотворительной деятельности в провинции, так как это избавляло государство от дополнительных расходов и забот в социальной сфере.

Нередко участие в благотворительности считалось для имущих престижным, поскольку получало всестороннее одобрение общественного мнения. В глазах своего социального окружения и общества в целом человек, занимавшийся благотворительностью, пользовался уважением и особым авторитетом. Репутационный компонент тоже имел важное значение и играл выдающуюся роль в мотивации благотворителя. Да сами моральные установки провинциального социума отражали устойчивые традиции общества.

Вполне очевидно, что благотворительная деятельность часто выступала фактором социальной мобильности. Именно благотворительность и меценатство облегчали социальное продвижение для тех, кто не принадлежал к привилегированному дворянскому сословию. Во многих случаях благотворительная деятельность открывала дорогу к почетному гражданству. Неслучайно наиболее известные

представители тамбовского купечества второй половины XIX в., занимавшиеся благотворительностью (А.М. Носов, А.И. Толмачев и др.), были удостоены звания почетного гражданина.

К концу XIX века в России было разработано законодательство, регулировавшее филантропическую деятельность. Закон запрещал принимать пожертвования от лиц, которые могли быть заподозрены в заинтересованном отчислении средств – для легализации незаконных доходов или получения наград от правительства. В уставе об общественном призрении говорилось: «При пожертвовании от частных людей должно обращать внимание на поведение и прежний образ жизни лица приносящего, не был ли и не состоит ли под судом и следствием». Проверкой «чистоты» благотворителей занималось МВД. Земские учреждения, принимая пожертвования от частных лиц, были обязаны публиковать информацию о них в специальных ведомостях. Таким образом, государство стремилось держать под контролем частную филантропическую инициативу, ориентируясь на открытость и гласность.

В историографии сложились вполне определенные подходы к оценке гражданских инициатив и благотворительных тенденций в сфере социальной защиты. К классическим исследованиям критериев и форм социального государства можно отнести ряд работ зарубежных историков [11–13].

Успешное освоение заявленной в статье проблемы с точки зрения оценки уровней социальной защиты в Российской империи провели исследователи истории семьи и частной жизни [7; 14; 15].

Региональные аспекты развития социальной защиты детей-сирот в XIX – начале XX века наиболее полно и подробно раскрыты в работах Т.Г. Деревягиной [16] и О.А. Дорожкиной [1].

Рассмотрим четыре основные модели сиротского призрения XIX – начала XX века, которые сложились в Тамбовской губернии, показав удивительные результаты и возможности региональной инициативы:

- 1) воспитание подкидышей у частных лиц (под контролем земских учреждений);
- 2) работа сиротского дома;
- 3) частная, прежде всего купеческая, благотворительность;

- 4) уездные сиротские учреждения и организации.

Воспитание подкидышей у частных лиц сложилось как вариант сохранения, а нередко и спасения детей в условиях их высокой смертности в учреждениях приказа общественного призрения. Обычно подкидыши первоначально доставлялись в земское заведение общественного призрения и именно, по отсутствию специальных для них заведений, – в земские больницы. Расходы на содержание этих сирот земство брало по статье благотворительные расходы [17, с. 11].

В первый год передачи дел от приказа общественного призрения в приют для подкинутых детей при губернской земской больнице поступило 9 подкидышей, из которых 3 умерло, остальные были отданы на воспитание за плату. Размер выплат был установлен еще со времен приказа общественного призрения и сохранялся неизменным более двадцати лет до 1887 г. Воспитателям подкидышей платили до достижения ими 7 лет по 1 руб. 50 коп. в месяц, а затем (12–14 лет) по 70 коп. в месяц.

В 1887 г. было решено повысить эти выплаты и они стали составлять: по 2 руб. воспитателям детей до 7 лет, а от 7 до 14 лет по 1 руб. в месяц. В 1890 г. плата за детей до 7 лет была повышена до 3 руб. в месяц [18, с. 135]. Но повышение выплат могли делать и сами уездные земства. Так, возникла и коллизия с платой за призрением и ростом желающих призывать детей в Моршанском уезде. Местное Моршанское земство ввело оплаты в 3 руб., а потом в 5 руб. в месяц за воспитание подкидышей, что способствовало резкому росту желающих взять на воспитание этих сирот. Так, в 1879 г. губернская управа выдавала пособие на воспитание 150 подкидышей. А спустя три года выяснилось, что моршанская управа раздает пособие на 45 подкидышей. Это составляло около трети всех призреваемых подкидышей губернии.

В 1887 г. пособие на призрение подкидышей выдавалось на 250 детей, в том числе в Моршанском уезде на 130 детей. Моршанцы всегда удваивали сумму пособия, то есть вместо трех, выплачивали 6 руб. в месяц на ребенка (около 3000 руб. составляла эта доплата от уездного земства). Вскоре выяснилась и причина столь активной заботы о подкинутых детях. Дело в том, что первоначаль-

но в Моршанске был устроен приют для подкидышей, но там так была велика смертность, то было признано за лучшее отдавать подкидышей в частные руки и с платой пособия от земства. Заметим, что аналогичные приюты были открыты также в Тамбове и Шацке, но высокая смертность детей (в Моршанском – 60 %, Шацком – 90 %) привела к стремлению отдать детей в частные руки [16, с. 41]. Это пример вполне примечателен тем, что, несмотря на всю регламентацию МВД любой благотворительной деятельности, земцы находили возможность реализовывать собственные планы и добивались их реализации.

Постепенно менялись некоторые правила раздачи детей. С 1890 г. раздавать детей стали лишь бездетным людям, причем лишь после отнятия детей от груди, а до этого времени их вскармливали в приюте. В 1894 г. было внесено в смету земства на плату за воспитание подкинутых детей 5500 руб. С четырехмесячного возраста детей переводили на искусственное вскармливание и лишь после прорезывания зубов, в среднем – по достижении детьми десятимесячного возраста. Это было сделано для того, чтобы предотвратить «питомнический промысел», когда детей брали, чтобы получить деньги и не обеспечивали им хорошего вскармливания, что давало высокую смертность.

Раздача бездетным уже после того, как ребенок прожил самый нежный возраст в приюте, введена была потому, что такие дети становились потом как бы членами семей.

В 1899 г. на средства земства (10000 руб.) было построено при губернской больнице здание на 50 подкинутых детей. Это было каменное, двухэтажное здание, где и был размещен приют для подкинутых детей, которым заведовала врач М.С. Прокофьева. В 1902 г. было подкинуто и находилось в приюте 223 ребенка, из них было роздано по деревням – 50, возвращено матерям – 37, умерло в приюте 70, то есть смертность составляла 31 % [18].

Впрочем, необходимо учитывать, что традиционное общество, включавшее в себе крестьянский социум, само довольно успешно решало проблемы с заботой о детях-сиротах [19; 20]. По оценкам В.Б. Безгина, материальное обеспечение сироты являлось главной заботой односельчан. Круглые сироты

проживали у своих родственников, которые содержали их на свои средства в случае отсутствия дохода с имущества опекаемого. В судьбе ребенка, оставшегося без попечения родителей, принимала участие вся община. Если родственники не были в состоянии содержать сирот, то их раздавали по состоятельным дворянам [21, с. 78].

Еще одним важным механизмом для социализации детей-сирот и их последующей поддержки были сиротские дома. Тамбовский приказ общественного призрения содержал в сиротском доме 50 мальчиков и 30 девочек. Но в 1865 г. учреждения приказа были переданы Тамбовскому земству, которое взяло на себя финансирование этого «богоугодного заведения». В среднем в год там призревало около 120 детей [17, с. 187].

Так, в 1872 г. в сиротском доме воспитывалось 105 сирот за счет губернского земства, 10 за счет дворянства, и еще было более 50 стипендиатов уездных земств и частных лиц. Сметы составлялись на 120 мальчиков и 60 девочек. Средний расход на одного воспитанника составлял 28 руб. в год.

Так как многие воспитанники и воспитанницы сиротского дома учились в мужской и женской гимназиях и в реальном училище, то им шилось форменное платье. Мальчикам форменные сюртуки синего или темнозеленого сукна с галунами и металлическими пуговицами, форменные плащи и форменные фуражки. Девочкам – шерстяные коричневые платья, черные шерстяные передники. Воспитанники могли и успешно получали не только начальное, но и среднее и даже высшее образование. Более 40 из них ежегодно получали стипендии тамбовского губернского земства [22]. Таким образом, земское самоуправление не просто обеспечивало детям-сиротам питание, кров и обучение, но по сути давало возможности получения добротного образования, что открывало перспективы для «социального лифта» и перспектив адаптации в окружающем мире.

Одним из самых успешных проектов по спасению, поддержке и адаптации детей-сирот были приюты как традиционная форма частной благотворительности. Приюты существовали преимущественно на благотворительные средства, так как государственная казна, городские и земские учреждения отпускали на их содержание незначительные

суммы. В многих регионах Российской империи именно частная благотворительность позволяла развиваться этой форме социальной поддержки детей-сирот.

В Тамбовской губернии первый детский приют был целиком основан на частные пожертвования – это был Мариинский приют. Он был основан 21 апреля 1847 г. при участии губернатора Петра Алексеевича Булгакова и на пожертвования жителей Тамбовской губернии. Примечательно, что собственно идея открытия такого приюта возникла у благотворительницы коммерции советницы Татьяны Ивановны Лион, которая пожертвовала для приюта деревянный дом, но благоустроить его не успела. Ее сын, инженер-капитан С.М. Лион, приспособил дом для приюта и пожертвовал ему всю усадьбу, располагавшуюся в одном из лучших районов Тамбова. Мариинским приют был назван в честь великой княжны Марии Николаевны, вотчины которой находились в Тамбовской губернии.

Было создано попечительство, и попечительницей приюта была назначена по традиции жена губернатора К.Р. Булгакова. Капитал приюта, размещенный в тамбовском приказе общественного призрения, составлял 12154,47 руб. Первыми призреваемыми были 19 мальчиков и 18 девочек. Затем долгие годы в приюте призревало до 150 детей. В 1875 г. на попечении в приюте было 107 детей. Всего с 1847 по 1877 г. призревало 3406 детей, из них мальчиков 1371 и девочек 2035 [23].

В Мариинский приют принимались дети от 3 до 10 лет, преимущественно сироты или дети беднейших горожан. Мальчики обучались грамоте, девочки – рукоделию. По достижении десятилетнего возраста воспитанники передавались в ремесленное училище, дом трудолюбия, фельдшерскую школу или к надежному мастером для обучения профессии.

Мариинский детский приют также финансировали М.В и В.Т. Асеевы, которые были членами попечительского совета этого заведения. Эти же меценаты содержали в Тамбовском уезде приют малолетних сирот, оставшихся после смерти фабричных рабочих при суконной фабрике Асеевых, в селе Рассказово.

Бюджет Мариинского приюта пополнялся также за счет разнообразных вечеров, концертов и любительских спектаклей, дававших ежегодный доход до 1000 рублей. Весенние лотереи приносили Мариинскому приюту солидные прибыли, которые использовались для учреждения стипендий воспитанникам. Успешное призрение детей-сирот в этом благотворительном учреждении вполне отражало веление времени и было примером успешной частной благотворительной инициативы жителей Тамбовской губернии.

Имели место и новации. Важно отметить, что местное самоуправление охотно шло на «софинансирование» важных и необходимых детских благотворительных учреждений. Так, купец А.М. Носов открыл в 1885 г. ремесленную мастерскую с приютом для обучения и содержания мальчиков, которая затем была преобразована в ремесленное училище. В 1889 г. был открыт при богадельне приют для мальчиков, а с 1891 г. приют и для девочек [24, л. 1]. Эти учреждения содержались и за счет местного самоуправления, хотя большая часть расходов покрывалась из денег А.М. Носова.

В целом, необходимо отметить, что была разработана и неукоснительно действовала система гласной (публикуемой в специальных брошюрах и газетах) балансовой отчетности о работе всех без исключения учреждений и организаций общественного призрения, в том числе городских и частных. Данный порядок отчетности практически исключал возможность должностных злоупотреблений, коррупции и тем более прямого воровства.

Призрение детей-сирот велось непрерывно, последовательно от дошкольного возраста, через начальную школу до изучения профессий или ремесел, до обеспечения их самостоятельного существования. Соблюдался принцип раздельного образования и воспитания мальчиков и девочек, лишенных семейного попечения [25].

Важно учитывать, что частная инициатива в сфере благотворительности чутко реагировала на острые, нередко неожиданно возникавшие проблемы, которые не требовали долгого согласования в столице и МВД. Так, в 1871 г. после эпидемии холеры в Тамбовской губернии умерло 12605 человек. В Тамбове в результате оказалось много детей-

сирот, которые нуждались в экстренной помощи и поддержке. По инициативе местных жителей и согласовании этой инициативы с губернатором был образован особый Комитет по призрению сирот. Сбор пожертвований, организованный комитетом, дал более 5440 руб., что позволило организовать призрение 60 детей. Некоторых из них поместили на собранные средства в Мариинский детский приют, других в дом трудолюбия. Многие благотворители сделали дополнительные пожертвования. Так, граф П.С. Строганов решил жертвовать по 200 руб. ежегодно в течение 10 лет, Е.Д. Нарышкин выделил 350 руб. на покупку кроватей и устройство постелей для детей. Общество ремесленников пожертвовало одновременно 300 руб. Для мальчиков-сирот решено было устроить ремесленное училище [23, с. XVII].

Наконец, важно учитывать и уездные инициативы частных благотворителей и меценатов по вопросу призрения детей-сирот. Одним из примеров такой частной благотворительной инициативы является случай с завещанием лебедянского купца Афанасия Адриановича Уланова. Он скончался в 1894 г. и завещал свой дом, имущество и доходы для создания в г. Лебедянь приюта для сирот-мальчиков, назвав его Александровским в память о почившем императоре Александре III. В феврале 1917 г. его душеприказчики подали прошение Тамбовскому губернатору о желательности открытия приюта на 5 сирот и ходатайствовать об этом перед МВД [18, с. 105].

Благотворительные учреждения Тамбовской губернии в начале XX века были самыми разнообразными и отражали спектр настроений и традиций уездного общества [26]. В Липецке 43 сироты призревались в детском приюте имени Хренникова и содержались на проценты с капитала и арендные деньги со 120 десятин земли. В Елатье был детский мужской приют при благотворительном комитете при Елатомском городском общественном управлении, и там призревалось 10 мальчиков на частные пожертвования и городские средства. В Моршанске был городской сиротский дом, находившийся в ведении города, где призревалось 22 человека на проценты с капиталов и аренду земли. В уездном Козлове на средства городского самоуправления содержалась Никола-

евская богадельня с сиротским домом на 58 человек. Кроме того, в городе имелся Александро-Невский приют для сирот, который находился в ведении Императорского человеколюбивого общества, а источниками его содержания были членские взносы, пожертвования и доходы от просфоропечения и швейной мастерской [18, с. 110-112].

Понятно, что не могла остаться в стороне от призрения детей-сирот и православная церковь. Так, еще в 1870 г. при тамбовском женском монастыре был основан приют для девочек. Он содержался полностью на средства монастыря и в год тратилось более 1000 руб. Помещался приют в деревянном двухэтажном монастырском здании. В 1878 г. в приюте было 19 девочек от 7 до 17 лет. Решение о приеме детей в приют должно было принимать епархиальное начальство и преимущество отдавалось детям-сиротам из духовного звания [25].

В г. Елатье имелся свой женский детский приют при Рождество-Богородицкой церкви, который находился в ведении церковно-приходского попечительства. Там призывалось в 1902 г. 15 человек на пожертвования, проценты с капитала и деньги, полученные от рукоделия [18, с. 108]. В Лебедянском уезде был женский приют для сирот при Сезеновском женском монастыре, призывалось там 13 человек на средства монастыря [18, с. 109].

Большое внимание и забота уделялись детям-сиротам в военные годы XIX – начала XX века [2]. Но эта страница регионального опыта благотворительной заботы о детях-сиротах требует отдельного рассмотрения.

Подводя предварительные итоги проведенного исследования заявленной в статье темы, можно сделать следующие выводы и заключения.

1. Призрение детей-сирот, независимо от сословной, социально-правовой и этноконфессиональной принадлежности, признавалось властью и обществом серьезной и неотложной для решения проблемой, что порождало не только внимание к ней административных структур (приказа общественно-го призрения, полиции и др.), но и вызывало самостоятельные частные инициативы различных представителей населения региона.

2. Сословно-правовые и социальные условия социальной защиты являлись универ-

сальными и лишь учет гендерных особенностей разделял типы и формы призрения детей-сирот. В отдельных случаях, как это было с приютами при монастырях, преимущество имели сироты лиц духовного звания. Но позиция купеческой, земской и городской благотворительности была иной и не допускала сословной или иной сегрегации и разделения детей-сирот по какому бы то ни было основанию.

3. Общественное попечение и призрение детей-сирот было достаточно эффективным и давало возможности для большинства воспитанников социальных учреждений для получения профессии, необходимого образования и успешной социальной адаптации в обществе.

4. Для полной и объективной реконструкции социальной защиты детей-сирот сквозь призму региональной благотворительности и частной инициативы важно проводить межрегиональные исследования, а также активнее изучать международный опыт и методологию заявленной научной проблемы.

Список литературы

1. *Дорожкина О.А.* Сиротство в России: историко-педагогический анализ. Тамбов, 2000. 51 с.
2. *Щербинин П.П.* Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 334-341.
3. *Маклаков Н.* Нарышкинский Александровский приют для арестантских детей // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1903.
4. Отчет Тамбовского земского исправительно-воспитательного приюта, состоящего под высочайшим покровительством государя императора за 1910 г. Третий отчетный год. Тамбов: Зем. тип., 1912.
5. Приют для девочек в Тамбовском женском монастыре // Памятная книжка Тамбовской губернии за 1879 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1879. С. 127-128.
6. *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007.
7. Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб.: Лики России, 2008.
8. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в России // Большая Российская энциклопедия: в 33 т. М., 2005. Т. 3.
9. *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII–XIX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 147-157.
10. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в 18 – начале 20 в.: монография. Saarbrücken, 2010. 545 с.
11. *Ritter G.A.* Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. München, 2010.
12. *Kaufmann F.-X.* Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich. Frankfurt a/M., 2003.
13. *Lindenmeyr A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.
14. The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research / ed. by D.L. Ransel. Urbana; Illions, 1978.
15. *Kucher K., von Winning A.* Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 63. 2015. № 2. S. 233-255.
16. *Деревягина Т.Г.* Роль и место благотворительной деятельности купца А.М. Носова в организации социальных учреждений в г. Тамбове (вторая половина XIX – начало XX в.). Тамбов, 2004.
17. Статистический обзор расходов и доходов Тамбовского губернского земства по общественному призрению за 1866–1887 гг. / сост. Н. Романов. Тамбов, 1889.
18. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губерн. правления, 1903.
19. *Тютчев А.П.* Опекa у крестьян над малолетними и несовершеннолетними сиротами, безумными, сумасшедшими, глухонемыми, немыми, над имуществом должников и безвестно отсутствующих, и над расточителями. СПб., 1912.
20. *Осопова М.Т.* Материальное положение опекаемых малолетних в крестьянской среде Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 2. С. 152-157.
21. *Безгин В.Б.* Опекa малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2. С. 76-80.

22. Герд И. Сиротский дом Тамбовского губернского земства // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов: Тип. губернского правления, 1903. С. 121-123.
23. Указатель статей, помещенных в «Неофициальном отделе Тамбовских губернских ведомостей» за 1871–1877 г. / сост. М.П. Григоровский. С. LII.
24. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 962.
25. Попов Н.М. Социальная политика городского самоуправления Тамбова во второй половине XIX – начале XX в. // Тамбов: История, современность, перспективы: сб. трудов науч.-практ. конф., посвящ. 370-летию г. Тамбов. Тамбов, 2006. С. 13-15.
26. Nachtigal R. Die Entstehung eines staatlichen Gesundheitswesens in Russland 1890–1918 vor dem Hintergrund der Seuchenproblematik // Hungersnöte in Russland und in der Sowjetunion 1891–1947 / hrsg. A. Eisfeld, G. Hausmann, D. Neutatz. Essen, 2017. S. 297-329.
6. Muratov N.P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Proceedings of Tambov Governor]. Tambov, 2007. (In Russian).
7. *Sirotdstvo i besprizornost' v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Orphanage and Homelessness in Russia: History and Modern World]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008. (In Russian).
8. Ulyanova G.N. *Blagotvoritel'nost' v Rossii* [Charity in Russia]. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2005, vol. 3. (In Russian).
9. Sokolov A.R. *Rossiyskaya blagotvoritel'nost' v XVIII–XIX vv. (k voprosu o periodizatsii i ponyatiynom apparate)* [Russian charity in 18th–19th centuries (on the issue of periodization and nomenclature)]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2003, no. 6, pp. 147-157. (In Russian).
10. Shcherbinin P.P. *Voennyy faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v 18 – nachale 20 v.* [Military Factor in Everyday Life of Russian Woman in 18th – the Beginning of 20th Century]. Saarbrücken, 2010, 545 p. (In Russian).
11. Ritter G.A. *Der Sozialstaat, Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich*. München, 2010. (In German).
12. Kaufmann F.-X. *Varianten des Wohlfahrtsstaates. Der deutsche Sozialstaat im internationalen Vergleich*. Frankfurt am Main, 2003. (In German).
13. Lindenmeyr A. *Poverty is not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton, 1996.
14. Ransel D.L. (ed.). *The Family in Imperial Russia. New Lines of Historical Research*. Urbana; Illions, 1978.
15. Kucher K., von Winning A. Privates Leben und öffentliche Interessen. Adlige Familie und Kindheit in Russlands langem 19. Jahrhundert. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 63, 2015, no. 2, pp. 233-255. (In German).
16. Derevyagina T.G. *Rol' i mesto blagotvoritel'noy deyatel'nosti kuptsa A.M. Nosova v organizatsii sotsial'nykh uchrezhdeniy v g. Tambove (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Role and Place of Charity of the Merchant A.M. Nosov in the Organization of Social Institutions in Tambov (the Second Half of 19th – the Beginning of 20th Century)]. Tambov, 2004. (In Russian).
17. Romanov N. (compiler). *Statisticheskii obzor raskhodov i dokhodov Tambovskogo gubernskogo zemstva po obshchestvennomu prizreniyu za 1866–1887 gg.* [Statistic Review of Expenses and Income of Tambov Provincial Zemstvo in Public Assistance for 1866–1887]. Tambov, 1889. (In Russian).
18. *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for

References

1. Dorozhkina O.A. *Sirotdstvo v Rossii: istoriko-pedagogicheskiy analiz* [Orphanage in Russia: Historic-Pedagogical Analysis]. Tambov, 2000, 51 p. (In Russian).
2. Shcherbinin P.P. *Deti-sirot y i ikh prizrenie v period voyn Rossii nachala XX v. [Orphans and their charity during the wars Russia beginning of 20th century]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2013, no. 9 (125), pp. 334-341. (In Russian).
3. Maklakov N. *Naryshkinskiy Aleksandrovskiy priyut dlya arestantskikh detey [Naryshkin-Aleksandrovskiy Asylum for prisoners-children]. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903. (In Russian).
4. *Otchet Tambovskogo zemskogo ispravitel'no-vospitatel'nogo priyuta, sostoyashchego pod vysochayshim pokrovitel'stvom gosudarya imperatora za 1910 g. Tretiy otchetnyy god* [A Report of Tambov County Redemptory-Educational Asylum, Being under Supreme Protection of His Majesty the Emperor for 1910. Third Account Year]. Tambov, County Printing Office, 1912. (In Russian).
5. *Priyut dlya devochek v Tambovskom zhenskom monastyre [Asylum for Girls in Tambov Nunnery]. Pamyatnaya knizhka Tambovskoy gubernii za 1879 g.* [The Notebook of Tambov Province for 1879]. Tambov, County Printing Office, 1879, pp. 127-128. (In Russian).

- 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903. (In Russian).
19. Tyutchev A.P. *Opeka u krest'yan nad maloletnimi i nesovershennoletnimi sirotami, bezumnymi, sumasshedshimi, glukhonemymi, nemymi, nad imushchestvom dolzhnikov i bezvestno otsutstvuyushchikh, i nad rastochitelyami* [Child Protection among Peasants for Minor and Under Age Orphans, Insane, Mad, Deaf-Mute, Property of the Debtor and Missing Persons and Spenders]. St. Petersburg, 1912 (In Russian).
20. Osopova M.T. Material'noe polozhenie opekaemykh maloletnikh v krest'yanskoy srede Tambovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Financial standing of the patronized minors in peasant sphere of tambov province in the context of 19th – the beginning of 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philological, Political and Legal Sciences, Culturology and Studies of Art. Issues of the Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 3, part 2, pp. 152-157. (In Russian).
21. Bezgin V.B. Opeka maloletnikh i sirot v russskom sele (vtoraya polovina XIX veka) [Child protection of minors and orphans in Russian village (the second half of 19th century)]. *Yuridicheskiy mir* [Legal World], 2009, no. 2, pp. 76-80. (In Russian).
22. Gerd I. Sirotskiy dom Tambovskogo gubernskogo zemstva [Orphan House of Tambov Province Zemstvo]. *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 g.* [A Collection Calendar of Tambov Province for 1903]. Tambov, Printing Office of Provincial Government, 1903, pp. 121-123. (In Russian).
23. Grigorovskiy M.P. (compiler). *Ukazatel' statey, pomeschennykh v «Neofitsial'nom otdele Tambovskikh gubernskikh vedomostey» za 1871–1877 g.* [The Index of Articles, Placed in “Unofficial Department of Tambov Provincial Journal” for 1871–1877]. pp. LII. (In Russian).
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 25, list 1, file 962. (In Russian).
25. Popov N.M. Sotsial'naya politika gorodskogo samoupravleniya Tambova vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Social policy of city government of Tambov in the second half of 19th – the beginning of 20th century]. *Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 370-letiyu g. Tambov «Tambov: Istoriya, sovremennost', perspektivy»* [The Proceedings of Scientific-Practical Conference, Devoted to 370th Anniversary of Tambov “Tambov: History, Modern World, Prospects”]. Tambov, 2006, pp. 13-15. (In Russian).
26. Nachtigal R. Die Entstehung eines staatlichen Gesundheitswesens in Russland 1890–1918 vor dem Hintergrund der Seuchenproblematik. In: Eisfeld A., Hausmann G., Neutatz D. (eds.). *Hungersnöte in Russland und in der Sowjetunion 1891–1947*. Essen, 2017, pp. 297-329. (In German).

Поступила в редакцию 18.04.2017 г.
Отрецензирована 19.05.2017 г.
Принята в печать 30.08.2017 г.

Received 18 April 2017
Reviewed 19 May 2017
Accepted for press 30 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interests.

UDC 93/94

FEATURES OF CARE OF CHILDREN-ORPHANS IN THE TAMBOV PROVINCE IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES THROUGH THE PRISM OF PUBLIC AND PRIVATE CHARITABLE ACTIVITIES

Katharina KUCHER

Doctor of History, Professor, Research Worker of Institute of Eastern European History and Area Studies
Eberhard Karls University of Tübingen

72074, Federal Republic of Germany, Tübingen, Geschwister-Scholl-Platz

E-mail: katharina.kucher@uni-tuebingen.de

Pavel Petrovich SHCHERBININ

Doctor of History, Professor, Head of UNESCO on Human Rights and Democracy Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Specifically and comprehensively system of social protection of orphan children in the Tambov province of 19th – beginning of 20th century through the prism of the state, public and private is studied. On the basis of a wide range of primary materials (archives, periodicals, memoirs) was representative of the little-known aspects of the stated scientific problem. The domestic and global study of the formation of the social state and civil charitable initiatives in provincial Russia is summarized, often with significant differences from Metropolitan realities. Amazing success of the charity orphans at the regional and county level is revealed, which allows to assess the modernisation of public initiatives in urban and rural society the chronological period under review. The possibility of Zemstvo institutions in the processes of charitable activities is specified, as well as manifestations of co-financing and participation in these rural projects private persons (representatives of the merchant class, the nobility, burghers and clergy). The position and policy on transfer throw children into private hands on education is specifically reviewed, estimated financial problems associated with the transfer of these orphaned children to childless families. The main reasons for the active charitable activities major regional patrons are found, reflecting general trends in the development of self-assessment of provincial merchants and representatives of other estates of the Russian Empire in the period under review. The conclusions about the results and historical experience, traditions and peculiarities of support of children-orphans at the level of province and county, that allowed to reconstruct the system of social protection of pre-revolutionary Russia. Attention is drawn to the importance of the regional context and the specific historical manifestations of charitable support and private initiative in the period under review, as well as evaluation of socio-political, socio-cultural and ethno-religious positions of the regional society. The impact of certain categories of donors for the social protection of children-orphans in a period of education and training in shelters, and the subsequent socialization is clarified.

Keywords: orphans; charity for children; social protection; charitable institutions; social care homes; orphanages; regional philanthropy; civic initiatives; provincial society

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared with the financial support of grant DFG, FRG (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG-Geschäftszeichen KU 1348/2-1 (Internationale Kooperationsanbahnung))

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189

Для цитирования: Кухер К., Щербинин П.П. Особенности призрения детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века сквозь призму общественной и частной благотворительной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 179-189. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189.

For citation: Kucher K., Shcherbinin P.P. Osobennosti prizreniya detey-sirot v Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX veka skvoz' prizmu obshchestvennoy i chastnoy blagotvoritel'noy deyatel'nosti [Features of care of children-orphans in the Tambov province in the 19th – early 20th centuries through the prism of public and private charitable activities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 179-189. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-179-189. (In Russian, Abstr. in Engl.).